

«Синтаксические нули» и грамматика эгоцентризма

Понятие «синтаксического нуля», «нулевого знака», или «значимого отсутствия» связано во-первых, с категориальной семантикой местоимений и, во-вторых, с незамещенностью или отсутствием синтаксических позиций. Понятие нуля может использоваться в широком и узком смыслах. В узком смысле — это отсутствие плана выражения, не допускающее замещения никакой местоименной словоформой (неопределенно-личные предложения). В широком смысле — это отсутствие плана выражения, не допускающее заполнения незанятой позиции, и допускающее заполнение незанятой позиции (эллипсис), и отсутствие самой позиции, т.е. вытеснение семантического компонента «За кадр» [Падучева, 2006], а значит любой случай отсутствия плана выражения при наличии плана содержания

С учетом уровневого деления синтаксических единиц (словосочетание, простое предложение, сложное предложение) можно говорить о нулях (1) в непредикативных словосочетаниях, (2) в монопредикативных предложениях и (3) полипредикативных предложениях (в сложных и простых осложненных¹).

(1) Нули в словосочетании интерпретируются такими понятиями как **абсолютивация** и **контекстуальная субстантивация**. Абсолютивное употребление, например, переходного глагола осмысливается как формирование предиката качества - «Он славно *пишет, переводит*» (А.С. Грибоедов); контекстуальная субстантивация — как один из вариантов выражение обобщенно-личности («*Сытый голодного* не понимает»). Такую субстантивацию можно представить как зависимое слово без главного (главным компонентом словосочетания могло бы быть слово *человек*), а абсолютивацию — как главное без зависимого.

(2) Нули в монопредикативном предложении могут быть **дейктическими** и **недейктическими**: дейктические нули отсылают к «Я — здесь — сейчас», недейктические — выражают значения неопределенности и обобщенности субъекта и указывают на отношение между субъектом диктума и субъектом модуса (исключенность, дистанцированность субъекта модуса при неопределенно-личности и включенность его в состав субъектов диктума при обобщенно-личности) [Булыгина, Шмелев 1997; Золотова и др. 2004, 116-122].

(3) Нули в полипредикативном предложении связаны с категорией таксиса (в широком смысле слова²) — грамматической техникой межпредикативных отношений, которая состоит в совпадении/несовпадении двух предикативных единиц по категориям модальности, времени и лица (или субъекта): синтаксический нуль указывает на совпадение двух предикативных единиц, прежде всего по категории лица, т.е. по субъекту. Будучи средством грамматической связности предикативных единиц в предложении и в тексте, таксисные нули могут быть отнесены к области анафоры и эллипсиса, однако в составе оборотов в простых осложненных предложениях (например, атрибутивных или деепричастных) незамещенные позиции уже не могут быть заняты (так, если во времена М.В. Ломоносова при деепричастии могло быть подлежащее, то в наше время отсутствие субъектного компонента в обороте указывает на то, что деепричастие совпадает с основным сказуемым по субъекту).

Далее нас будут интересовать субъектные дейктические и недейктические (можно использовать термин *прагматические*) нули в простом монопредикативном предложении, поскольку именно с ними связана поэтика категории лица, или поэтика образа автора.

Категория лица обнаруживает отношения между субъектом сообщаемого факта

1 См., например, о нулях в полупредикативных оборотах [Тестелец 2001, 270-282].

2 Таксис как грамматическая техника взаимодействия минимум двух предикативных единиц — их совпадение/несовпадение по категориям модальности, времени и лица [Золотова и др. 2004, 220-221]

(субъектом диктума) и субъектом факта сообщения (субъектом модуса). В отличие от других категорий глагола, категория лица выражается в рамках обоих главных членов предложения — и в сказуемом и в подлежащем, т.е. и синтетически (аффиксально), и аналитически. Личные значения могут выражаться не только аффиксами глагола, но и именами, местоимениями, а также нулями [Мельчук 1974; Булыгина, Шмелев 1997]. Субъектные нули местоименны:

(1) нулевое «Я»:

Брожу в стенах монастыря,
Безрадостный и темный инок.
Чуть брежжит бледная заря,-
Слежу мелькания снежинок. (А. Блок)

(2) «Кто-то», «Другие»:

Однажды его *проводили*,
Он весел и счастлив был,
А утром в гроб *уложили*,
И священник тихо служил. (А. Блок)

(3) «Все», «Всякий», «Каждый»:

Что счастье? Короткий миг и тесный,
Забвенье, сон и отдых от забот..
Очнешься — вновь безумный, неизвестный
И за сердце хватающий полет... (А. Блок).

Обратимся к нулям дейктическим.

Чем ближе к Я, тем больше нулей. Так действует **синтаксическая (грамматическая) эгоцентрическая техника** – обнаружение либо собственно Я, либо отношения к Я посредством **невыраженности, отсутствия плана выражения**. Это возможно в трех случаях: (1) при наличии внутрисинтаксической позиции ее незанятость, (*Вокруг было тихо* = вокруг меня; «И в сердце - первая любовь Жива - к единственной на свете» - А. Блок), (2) при потенциальном наличии позиции невозможность ее замещения (*Тише едешь — дальше будешь*); (3) устранение этой позиции из синтаксической структуры, вытеснение ее за кадр (*С пристани раздался гудок* = я услышал, но, возможно, не только я).

Эгоцентрический механизм – выражение Я посредством незанятой синтаксической позиции либо отсутствия этой позиции – аналогичен анафоре: при совпадении значений (корреферентности) второй раз то же значение не выражается, при несовпадении — выражается (местоименный вариант анафоры означает, что не выражается лексическое значение, но выражается категориальное, эллипсис же – это отсутствие плана выражения полностью³). Если нет контекстуального претендента на незанятую позицию, то претендентом становится Я субъекта модуса. На том же принципе основаны: (1) синтаксическое различие первичного и вторичного дейксиса, например, пространственного: *вдали Ø — вдали от дома; рядом Ø — рядом с домом* [Апресян (1986) 1995] – без возможности отнесения к предтексту незанятая позиция читается в связи с Я говорящего; (2) прочтение «реляционных имен» (выражающих отношения между людьми – *муж, жена, брат, друг, однофамилец*) [Шмелев А.Д. 1998]; (3) субъектная отнесенность физических и эмоциональных ощущений внутри тела (*голова болит, зуб ноет, в ухе звенит* – у меня; но: *У бабушки голова болит*); ср. также:

Сердце хочет, *сердце* просит,
Слезы льются в два ручья;
Далеко меня уносит,
А куда - не знаю я. (А.Фет)

Субъектные нули могут прочитываться не только по 1-му лицу, но и по 3-му. Н.Д.

3 См. у А.А. Шахматова: «Названия 3-х лиц (предметов) в последовательности речи могут заменяться личными или указательными местоимениями; такая замена является посредствующею к полному опущению подлежащего» [Шахматов 2001: 236].

Арутюнова, обсуждая различия между глаголами *считается* и *думается*, говорит об «объективации, или имперсонализации», применительно к первому глаголу, в отличие от второго, который «употребляется только в отнесенности к лицу говорящего»; *думается* имеет ограничения: не допускает отрицания и не употребляется в будущем времени [Арутюнова 1988: 109]. С другой стороны, Н.Д. Арутюнова вводит понятие «нейтрального модуса», для которого возможна полная парадигма по лицу; отсутствие субъектного показателя интерпретируется Н.Д. Арутюновой либо в связи с говорящим, либо «в значении солидарности с адресатом»; наличие субъектного показателя (*ему жаль, мне известно*) квалифицируется как «субъективизация модуса» [там же: 110]. «Субъективированный и нейтральный по форме модусы пересекаются по таким параметрам, как атрибуция говорящему лицу и «другому», истинностная оценка в момент речи и в прошлом, способность/неспособность занимать вводную позицию, согласие/несогласие говорящего с субъектом суждения» [Там же: 110].

Синтаксическая категория лица связана с семантикой глагольных лексем: одни глаголы обнаруживают тяготение к 1-го лицу, другие – к 3-му, что означает неравенство форм в личной парадигме определенного глагола, означает приоритет одной из форм; например, глагол *хотеть* тяготеет к 1-му лицу, глагол *лгать* – к 3-му. На предпочтение лица может влиять и форма глагола. Модусные предикаты в так называемой «безличной форме» очень часто «отдают предпочтение» синтаксическому 1-му лицу, что обнаруживается при прочтении незанятой позиции субъекта: без показателей субъекта (именной или местоименной субъектной синтаксемы) подобные глаголы читаются по 1-му лицу; например, глагол *подумалось*: «*А вдруг и впрямь дело в тысяче? - на миг подумалось, но только на миг*» (И. Грекова); *И подумалось, если все будет хорошо на земном шаре, если человечество будет любить классическую музыку..., то тогда, может быть, в XXI веке Олег станет идеалом для всех* (Ю. Башмет) – *мне подумалось*.

Совпадение субъекта диктума и субъекта модуса возможно и при 3-м лице (в рамках художественного нарратива). Это означает увеличение субъектной перспективы за счет деления модуса на сферу субъекта мыслящего (им может стать герой) и сферу субъекта говорящего (пишущего, автора). Возможность такого деления обеспечивается эгоцентрическими элементами и действием эгоцентрической грамматической техники.

Эгоцентрическая грамматическая техника состоит не только в том, что Я говорящего не выражается местоимением (как в позиции подлежащего, так и в других именных синтаксических позициях) и что незаполненная синтаксическая позиция при модусном предикате принадлежит Я говорящего, но и в том, что **семантика 3-го лица подчиняется 1-му лицу**. Текстовая функция предикатов типа *подумалось* в том и состоит, чтобы обнаруживать, даже при выраженном (лексически) 3-м лице субъекта, внутреннюю точку зрения; при этом 3-е лицо читается как несобственно-третье, см., например, у В. Набокова: «Вот так бы по старинке начать когда-нибудь толстую штуку», - *подумалось* мельком с беспечной иронией — совершенно, впрочем, излишне, потому что кто-то внутри него, за него, помимо него все это уже принял, записал и припрятал». Ту же функцию выполняет глагол *припомниться* в следующем примере: «...на небе не было ни одной звезды, и походило на то, что опять будет дождь. <...> Вот поваленное дерево с высохшими иглами, вот черное пятно от костра. *Припомнился* пикник со всеми подробностями <...> *Послышался* стук экипажа и прервал мысли дьякона» (Чехов, Дуэль). Субъектом сознания (думающим и воспринимающим) в этом тексте является дьякон («Дьякон встал, оделся, взял свою толстую суковатую палку и тихо вышел из дому»), на что указывает и частица *вот*, и глагол восприятия (*послышался*), и глагол *припомниться* с нулевым показателем субъекта; фрагмент читается в режиме прошедшего актуального, а 3-е лицо осмысливается как 1-е.

В отличие от глаголов *подуматься* и *припомниться*, для которых прототипическим является синтаксическое 1-е лицо, глагол *казаться* (*показаться*) будто бы допускает полную парадигму (*Мне кажется/вчера казалось, что... – Тебе кажется/вчера казалось, что... – Ему кажется/вчера казалось, что...*). Но употребление этого глагола без дательного

падежа субъекта осмысливается в связи с Я говорящего. Это возможно не только в форме настоящего времени во вводной (парентетической) позиции (пример 1.), но в рамочной позиции в составе сложного предложения (пример 2.):

(1)

Вот луч, покатайся с паутины, залег
В крапиве, но, *кажется*, это ненадолго,
И миг недалек, как его уголек
В кустах разожжется и выдует радугу.

(Б. Пастернак, После дождя)

- (2) он ей нравился, свадьба была уже назначена на седьмое июля, а между тем радости не было, ночи спала она плохо, веселье пропало... Из подвального этажа, где была кухня, в открытое окно слышно было, как там спешили, как стучали ножами, как хлопали дверью на блоке; пахло жареной индейкой и маринованными вишнями. И *почему-то казалось*, что так теперь будет всю жизнь, без перемены, без конца! (А.П. Чехов, Невеста).

Употребление глагола *казаться* с именем или местоимением гораздо сложнее: оно может прочитываться как по 1-му лицу (внутренняя точка зрения), так и по собственно-третьему.

Обратимся к прозе А.П. Чехова, поскольку из литературоведения и поэтики художественной прозы известно, что глагол *казаться* — один из самых любимых Чеховым, что его тексты «полны глаголом *казаться*» (Н.А. Кожевникова)⁴. В 1942 г. П.М. Бицилли писал: «Нет писателя, в лексике которого *казаться* занимало бы такое место, как у Чехова»⁵. Подтверждением этих наблюдений являются данные частотного словаря А.П. Чехова, который подготовлен к публикации авторским коллективом под руководством А.А. Поликарпова (МГУ): глагол *казаться* находится на верхних строчках списка «наиболее регулярно употребляемых Чеховым глаголов», наряду с *быть, иметь, хотеть, думать, делать*.

Первая особенность этого глагола состоит в том, что его семантика соединяет перцептивный и ментальный модусы, и в зависимости от контекстуального окружения соотношение ментального и перцептивного компонентов может меняться либо в пользу первого (*Кажется, (что) занавеска шевелится*), либо в пользу второго (*Кажется, (что) он прочитал всех классиков*).

Вторая особенность этого глагола в том, что его семантика по-разному взаимодействует с категориями лица и времени: в актуальном времени читается по 1-му лицу, в узуальном — по 3-му. Глагол *казаться* читается как предикат внутренней точки зрения (Я-предикат), если он локализован в актуальном времени (актуальном настоящем или актуальном прошедшем) и обозначает однократный мыслительный акт. При этом модусный субъект выражается Дат. беспредложным не только местоимения первого лица (мне), но и существительного, а чаще местоимения 3-го лица (Ему/ Ей казалось, что...): «Он дождался, когда проснулась Таня, и вместе с нею напился кофе, погулял, потом пошел к себе в комнату и сел за работу. Он внимательно читал, делал заметки и изредка поднимал глаза, чтобы взглянуть на открытые окна или на свежие, еще мокрые от росы цветы, стоявшие в вазах на столе, и опять опускал глаза в книгу, и *ему казалось*, что в нем каждая жилочка дрожит и играет от удовольствия» (Черный монах). Источником знаний об ощущениях может быть только сам герой (Коврин), кроме того нет никакого временного фона, а есть только данный момент мышления. Иное дело в «Дуэли»:

«Нелюбовь Лаевского к Надежде Федоровне выражалась главным образом в том, что всё, что она говорила и делала, *казалось ему ложью* или *похожим на ложь*, и всё, что он

4 Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе XIX – XX вв. — М., 1994. С. 205.

5 Бицилли П.М. Творчество Чехова. Опыт стилистического анализа// П.М. Бицилли. Трагедия русской культуры. Исследования. Статьи. Рецензии. — М., Русский путь, 2000. С. 245.

читал против женщин и любви, *казалось ему*, как нельзя лучше подходило к нему, к Надежде Федоровне и ее мужу. Когда он вернулся домой, она, уже одетая и причесанная, сидела у окна и с озабоченным лицом пила кофе и перелистывала книжку толстого журнала, и он подумал, что питье кофе — не такое уж замечательное событие, чтобы из-за него стоило делать озабоченное лицо, и что напрасно она потратила время на модную прическу, так как нравиться тут некому и не для чего. И в книжке журнала он увидел ложь. Он подумал, что одевается она и причесывается, чтобы *казаться красивой*, а читает для того, чтобы *казаться умной* (Дуэль).

В этом фрагменте глагол *казаться* употребляется в двух позициях — в составе сказуемого и в составе вводного предложения. При этом во всех случаях при нем употребляется местоимение 3-го л. в Дат.п. *Казаться* в составе сказуемого употребляется в двух значениях — как показатель мнения Лаевского (*казалось ложью*) и как обвинение Надежды Федоровны в том, что она хочет выглядеть красивой и умной. Соответственно второе употребление предполагает наличие контроля со стороны субъекта качества (Надежды Федоровны).

В той же главе в следующем абзаце мы найдем рамочные употребления глагола *казаться*, которые можно было бы принять за ввод внутренней речи героя (=он думал, что...):

«На этот раз Лаевскому больше всего не понравилась у Надежды Федоровны ее белая, открытая шея и завитушки волос на затылке, и он вспомнил, что Anne Карениной, когда она разлюбила мужа, не нравились прежде всего его уши, и подумал: "Как это верно! как верно!" Чувствуя слабость и пустоту в голове, он пошел к себе в кабинет, лег на диван и накрыл лицо платком, чтобы не надоедали мухи. Вялые, тягучие мысли все об одном и том же потянулись в его мозгу, как длинный обоз в осенний ненастный вечер, и он впал в сонливое, угнетенное состояние. *Ему казалось, что* он виноват перед Надеждой Федоровной и перед ее мужем и что муж умер по его вине. *Ему казалось, что* он виноват перед своею жизнью, которую испортил, перед миром высоких идей, знаний и труда, и этот чудесный мир представлялся ему возможным и существующим не здесь, на берегу, где бродят голодные турки и ленивые абхазцы, а там, на севере, где опера, театры, газеты и все виды умственного труда. Честным, умным, возвышенным и чистым можно быть только там, а не здесь. Он обвинял себя в том, что у него нет идеалов и руководящей идеи в жизни, хотя смутно понимал теперь, что это значит. Два года тому назад, когда он полюбил Надежду Федоровну, *ему казалось, что* стоит ему только сойтись с Надеждой Федоровной и уехать с нею на Кавказ, как он будет спасен от пошлости и пустоты жизни; так и теперь он был уверен, что стоит ему только бросить Надежду Федоровну и уехать в Петербург, как он получит всё, что ему нужно».

Однако перед нами авторский пересказ мыслей Лаевского, о чем свидетельствуют не только темпоральные показатели (*на этот раз, два года тому назад*) и сравнение (*мысли, как длинный обоз в осенний ненастный вечер*), но и сам способ пересказа — нанизывание однородных компонентов.

Особая роль принадлежит здесь категории времени: несобственно-прямой речью называют актуально-локализованные текстовые фрагменты, т.е. такие, которые передают сиюминутную мысль, мысль, которая разворачивается в настоящем времени читателя; напротив, мысли, передаваемые с сохранением временной дистанции, прочитываются как косвенная речь (*два года назад ему казалось*).

Из этого следует, что внутренняя точка зрения выражается глаголом *казаться* только тогда, когда автор не обнаруживает своей дистанцированности, когда нет возможного диалогического контекста, не предьявляет своего знания о других мыслях того же героя, в другом времени, т.е. когда сфера субъекта модуса представлена одним героем, одной его временной инстанцией. В «Дуэли» же автор дистанцируется по отношению к Лаевскому, поэтому глагол *казаться* читается как *думал, воображал*, т.е. как вводящие чужую мысль в форме косвенной речи.

Во вводной позиции в форме настоящего времени глагол *казаться* связан с точкой

зрения субъекта речи, например, рассказчика в «Палате № 6»:

«Проводив приятеля, Андрей Ефимыч садится за стол и опять начинает читать. Тишина вечера и потом ночи не нарушается ни одним звуком, и время, *кажется*, останавливается и замирает вместе с доктором над книгой, и *кажется*, что ничего не существует, кроме этой книги и лампы с зеленым колпаком. Грубое, мужицкое лицо доктора мало-помалу озаряется улыбкой умиления и восторга перед движениями человеческого ума». Глаголом *кажется* рассказчик обнаруживает свое невидимое присутствие в хронотопе героя.

Вводное *кажется* (рабботающее с синтаксическим нулем) может прочитываться в связи с обобщенно-личным субъектом восприятия и многократным восприятием: «Был седьмой час вечера - время, когда белая акация и сирень пахнут так сильно, что, *кажется*, воздух и сами деревья стыннут от своего запаха» (Учитель словестности).

При этом точка зрения рассказчика и точка зрения героя соединяются:

«По тропинке, бежавшей по крутому берегу мимо обнаженных корней, он спустился вниз к воде, обеспокоил тут куликов, спугнул двух уток. На угрюмых соснах кое-где еще отсвечивали последние лучи заходящего солнца, но на поверхности реки был уже настоящий вечер. Коврин по лавам перешел на другую сторону. Перед ним теперь лежало широкое поле, покрытое молодой, еще не цветущей рожью. Ни человеческого жилья, ни живой души вдали, и *кажется*, что тропинка, если пойти по ней, приведет в то самое неизвестное загадочное место, куда только что опустилось солнце и где так широко и величаво пламенеет вечерняя заря.

"Как здесь просторно, свободно, тихо! — думал Коврин, идя по тропинке. - *И кажется*, весь мир смотрит на меня, притаился и ждет, чтобы я понял его..."»(Черный монах).

Второе *и кажется* находится в прямой речи-мысли Коврина, принадлежит Коврину, а вот первое — это мысль автора, который выражает потенциальную мысль любого человека, который мог бы оказаться в этом месте в эту минуту и почувствовать очарование этого места, в том числе и Коврина.

В качестве усилителя синонимичности и средства приближения к точке зрения героя Чехов использует местоименное наречие *почему-то*:

(1) «Пришла старуха мать. Увидев его сморщенное лицо и большие глаза, она испугалась, упала на колени пред кроватью и стала целовать его лицо, плечи, руки. *И ей тоже почему-то казалось*, то он худее, слабее и незначительнее всех, и она уже не помнила, что он архиерей, и целовала его, как ребенка, очень близкого, родного» (Архиерей);

(2) «Из подвального этажа, где была кухня, в открытое окно слышно было, как там спешили, как стучали ножами, как хлопали дверью на блоке; пахло жареной индейкой и маринованными вишнями. *И почему-то казалось*, что так теперь будет всю жизнь, без перемены, без конца!» (Невеста);

(3) «Он был всё такой же, как и прошлым летом: бородатый, со всклоченной головой, всё в том же сюртуке и парусиновых брюках, всё с теми же большими, прекрасными глазами; но вид у него был нездоровый, замученный, он и постарел, и похудел, и всё покашливал. *И почему-то показался* он Наде серым, провинциальным» (Невеста);

(4) «Побывав у мещанина и возвращаясь к себе домой, он встретил около почты знакомого полицейского надзирателя, который поздоровался и прошел с ним по улице несколько шагов, и *почему-то* это *показалось* ему подозрительным» (Палата № 6);

(5) «Зинаида Федоровна бросила на стол салфетку и быстро, с жалким, страдальческим лицом, вышла из столовой. Поля, громко рыдая и что-то причитывая, тоже вышла. Суп и рябчик остыли. *И почему-то* теперь вся эта ресторанный роскошь, бывшая на столе, *показалась* мне скудной, воровскою, похожею на Полю» (Рассказ неизвестного человека);

(6) «...он вошел в спальню раз, мягко звеня шпорами, и взял что-то, потом в другой раз — уже в эполетах и орденах, чуть-чуть прихрамывая от ревматизма, и Софье Львовне *показалось почему-то*, что он ходит и смотрит как хищник. (Володя большой и Володя маленький);

(7) «Он любил дочь; было вероятно, что она рано или поздно выйдет замуж и оставит его, но

он старался не думать об этом. Его пугало одиночество, и почему-то казалось ему, что если он останется в этом большом доме один, то с ним сделается апоплексический удар, но об этом он не любил говорить прямо» (Три года);

(8) «Будут ли они сегодня ужинать? А завтра? И ей почему-то казалось, что отец и мальчики сидят теперь без нее голодные и испытывают точно такую же тоску, какая была в первый вечер после похорон матери» (Анна на шее).

Во всех восьми примерах представлена одна и та же синтаксическая конструкция, состоящая из сочинительного союза *И*, местоименного наречия *почему-то* и глагола *казаться*; субъектная позиция может быть представлена синтаксическим нулем (пример 2), именем собственным (примеры 3,6) и местоимением (1-го лица — пример 5; 3-го лица — примеры 1,4,7,8). Функция этой конструкции — обнаружение монтажного шва, перехода во внутренний мир героя, мир его представлений. Она осуществляется как при 1-ом лице местоимения и нулевым представлении субъекта, так и в третьетеличном варианте. Условием прочтения 3-го лица как 1-го является прикрепленность модусного предиката к определенной точке на оси времени восприятия, отсутствие временного фона и диалогического контекста. Союз *И* в этих примерах не соединительный, а присоединительный: он не выражает логически оправданного следования, а обнаруживает смену модуса. *Почему-то* усиливает субъективность представлений и выражает отсутствие логических связей между предтекстом и посттекстом. *Почему-то* усиливает и эгоцентрическую семантику глагола *казаться*, особенно в соединении с 3-м лицом модусного субъекта.

Подводя итог, отмечу, что эгоцентрическая техника соединяет лексическую семантику, морфологию и синтаксис: неакциональный модусный глагол с возвратным постфиксом во взаимодействии с дательным падежом модусного субъекта при отсутствии временного и субъектно-диалогического фона прочитывается в связи с внутренней точкой зрения героя; при этом наиболее частотными способами выражения модусного субъекта оказываются либо личные местоимения, либо синтаксический нуль.

Литература

Адамец П. К вопросу о "незамещенных позициях" в русских высказываниях // Русистика. 1990, № 1

Адамец П. Семантическая интерпретация "значимых нулей" в русских предложениях // Язык и стих в России. Сборник в честь Дина С. Ворты к его 65-летию. М., 1995.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М., 1988.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Я, ты и другие в русском синтаксисе (нулевые местоимения: референция и прагматика). // Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

Бицилли П.М. Творчество Чехова: Опыт стилистического анализа. // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски»: Историко-филологически факултет. — София, 1942. Т. XXXVIII, 6.

Бочаров С.Г. Чехов и философия (2004) // Бочаров. Филологические саюжеты. - М. Языки славянских культур, 2007. 328 -343

Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.

Катаев В.Б. Проза Чехова. Проблемы интерпретации. М., 1979

Катаев В.Б. Литературные связи Чехова. — М., МГУ, 1989.

Катаев В.Б. Сложность простоты. Рассказы и пьесы Чехова. М., 1998.

Ковтунова И.И. Несобственно прямая речь в языке русской литературы конца XVIII — первой половины в. — КД. — М., 1955.

Кожеевникова Н.А. Язык и композиция произведений А.П. Чехова. — Нижний Новгород, 1999.

Мельчук И.А. О синтаксическом нуле. // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого. Л., 1974.

Падучева Е.В. Наблюдатель: типология и возможные трактовки // Труды международной конференции ДИАЛОГ. М., 2006.

Ружичка Р. Функционирование и классификация пустых категорий в русском литературном языке. // Zeitschrift für Slavistik. 1986. Vol.31.

Тестелец Я.Г. Синтаксические «невидимки». // *Тестелец Я.Г.* Введение в общий синтаксис. М., 2001.

Чудаков А.П. Поэтик Чехова. М., 1971.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М., 2001.

Шмид В. Проза как поэзия. Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард. – С.-Пб., Инапресс, 1998. – С. 213-298.